

18+

ЕЛЕНА ДОЛГИХ

ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Елена Долгих

Посвящается...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931143

ISBN 9785005155924

Аннотация

Вокруг нас всегда есть люди, на которых хочется равняться. Не всегда это получается... В этой книге я рассказываю вам, дорогие читатели, о разных людях, с которыми меня столкнула жизнь. Время идёт и уже давно в прошлом многие события, но память хранит воспоминания и время от времени я мысленно шепчу: «Посвящается...» Посвящается всем равнодушным, умеющим любить, быть верными и бесстрашными.

Содержание

Меченный	5
Одноглазая и плоская	14
Три шарика	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Посвящается...

Елена Долгих

© Елена Долгих, 2020

ISBN 978-5-0051-5592-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Меченный

*Детям, пережившим Великую
Отечественную войну, посвящается*

Наброски этого рассказа долго лежали в столе. В далёком 1975 году я вместе со своим одноклассниками собирала воспоминания о войне, и встретила в первый раз с этим человеком. Его рассказ поразил меня. Мужчина отказался

прийти в школу на выступление, как я его ни уговаривала. Вторая встреча произошла спустя двадцать лет, в 1995 году, незадолго до его смерти. Я увидела Михея в магазине и, каюсь, не сразу узнала. Напросилась проводить, осталась на чай и прослушала историю его жизни ещё раз. Придя домой, быстро сделала наброски, но только в 2010 году они оформились в рассказ. К сожалению, сохранилось только имя этого человека. Дети живут далеко, а где – неизвестно, наград не имел. Похоронили его, по слухам, скромно, жена, по-моему, уехала к детям, а могилка затерялась на просторах кладбища. Остался только этот рассказ, повествующий о том, как война может искалечить не только телесно, но и духовно...

– Убивая человека, обрекаем мы душу свою на великие муки, внучек, ибо нельзя остаться прежним, забирая человеческую жизнь. Помни про это, Михеюшка.

Так говорил мне мой дед перед смертью. Прожил он долгую и нелёгкую жизнь, а умер как раз перед войной, девятнадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года. Через неделю в деревню вошли фашисты.

У мамы нас было семеро, шесть девочек и я – двенадцатилетний пацан, последыш, единственный мужчина в семье. Сёстры были погодки, старшей двадцать три года, младшей восемнадцать. В семье остались две последних, на выда-

ные, остальные вышли замуж и поразъехались кто куда. Отец умер летом тысяча девятьсот тридцать восьмого года, испив на покосе в жаркий полдень холодной родниковой воды. Сгорел от лихорадки за три дня.

Захватчики расстреляли всех коммунистов, навесили на правление колхоза вывеску «Комендатура», выбрали старосту, оставили в деревне догляд – шесть полицаев из местных, да взвод немецких солдат и двинулись дальше, на восток.

Дней через шесть, ночью, в окно нашей избы тихо постучались.

– Кто там? – испуганно отозвалась мать.

– Свои, хозяйка, открой.

Их было трое. Израненные, смертельно уставшие солдаты-пехотинцы, пытавшиеся найти регулярные Советские войска. Мать, взглянув на них, заохала, забегала, собирая еду на стол.

– Не бойсь, хозяйюшка, мы ненадолго, – сказал старшой. – Передохнём малость и к утру уйдём.

– Куда же вы? – зачастила мать. – Немец далёко прошёл, и не громыхает уж по ночам, гонят наших повсюду.

– А много ли немцев в деревне? – подал голос второй боёц, раненый в ногу.

– Да как сказать... шесть полицаев, да этих штук сорок, поди.

Третий засмеялся и тут же закашлялся:

– Правильно, мамаша, на штуки их считай!

– У них мотоциклы, броневик и автоматы, а ещё пушки за лесом, – зашептал я с печки.

Мать замахнулась тряпкой:

– Не лезь, Михей!

Поутру красноармейцы ушли, а чуть позже к нам пожаловали Олесь и Митяй, полицаи из соседней деревни. Мать, увидав их в окно, сунула мне краюху хлеба:

– Миха, сховайся на задках!

Полицаи облазили весь дом, подворье, и, вскоре с криками и матом повели моих сестёр и мать к комендатуре.

– Вот, гер комендант, нашли недалеко дома, – Олесь показал портянку в крови.

Тот больно толкнул мать в грудь:

– Ты есть пАртизан?

– Что вы, гер комендант! – заплакала та в ответ. – Знать не знаю, что это такое.

– Кхе-кхе, – залился смехом Олесь, – не знает она! Да это ж портянка комуняцкая, вся в крови! Тряпка казённая, видно сразу! Говори, старая, кто у тебя был!

Я прокрался огородами и теперь, наблюдая всё это, трясясь от злости и ненависти.

– Расстреляйт! – прокаркал комендант.

– Мама! – рванулся я.

Кто-то зажал мне рот, не давая крикнуть, и повалил на-земь. Сопrotивляясь изо всех силёнок, тело моё билось, как

рыба на травяном берегу.

– Тихо, Михей, тихо! Уймись, а то и тебя схватят! – дед Авдей едва удерживал меня.

Автоматная очередь прорезала воздух.

– Мама! – ладонь не давала кричать.

Жёсткие руки прижали больно к земле голову:

– Помолчи, пацаненок!

Я задышался, а потом потерял сознание.

Солнышко заставило открыть глаза и вновь зажмуриться.

Простенький ситчик на окне колыхался от ветерка.

– Отошёл, малец? На-ка, попей, – пчеловод Авдей наклонился над топчаном.

Голова моя горела огнём от боли.

– Деда, где мои? – просипел я.

– Нетути их боле, Михей, – вздохнул дед. – Похоронил я их всех в одной могилке, позже сведу. Ты поплачь, малец, легшее будет.

Пчеловод оставил берестяной ковшик и, вздыхая, отошёл. Затаившись под рогожей, как зайчонок, я молчал. Слёз не было, только стылый комок в груди не давал никак сглотнуть.

Дед не трогал меня, а под вечер вывел на поляну, посреди которой темнел непривычный холм.

– Тута они все, – шепнул Авдей, – и мать твоя и сёстры.

Встав на колени, я тронул тёплую землю, на душе было пусто и холодно...

Жил я у Авдея два месяца, оклемался, много думал, мало говорил, помогая ему на пасеке и по дому. От деда узнал, что избу нашу спалили, меня не искали, поскольку думали, что я у одной из старших сестёр, и соседи так подтвердили. Как-то Авдей отправился проверить силки на птиц, а меня оставил на хозяйстве. В полдень к заимке подъехали два человека. Глянув в окно, я узнал Олеся и Митяя. Решение пришло мгновенно. Убить! Жар и озноб охватили моё тело одновременно.

Собравшись духом, вышел во двор.

– О, ты кто таков будешь? Внук, что ли, Авдею.

Я молча кивнул.

– А где сам-то? С пчелами, что ли, возится?

Я снова кивнул.

– Собери поснедать чего-нибудь, да медовуху подай!

Я вынес нехитрую снедь и бутылъ медовой настойки. Захмелели они быстро, а после заснули тут же, за столом. Видать, совсем ничего не боялись. Перекрестившись, я осторожно забрал их винтовки. Одну закинул за плечи, а вторую, передёрнув затвор, направил на Митяя, сидевшего ко мне спиной. Выстрел прозвучал сухо. Дернувшись, тело полицая стало сползать со скамьи. Олесь открыл глаза:

– Ты чего, Митяй? – заплетающимся языком спросил он. Потом привстал, не понимая, и увидел меня с винтовкой в руках. – Малец, ты чего? Положи винтарь!

– Не малец я тебе, – голос треснутой веткой карябал гор-

ло. – А ты, гад, за всё получишь сейчас!

Олесь попытался выйти из-за стола, но не смог и упал, растерянно глядя в моё лицо. Повернувшись, он встал на четвереньки и быстро пополз к лесу. Пуля угодила ему в левое плечо. Рыдая, он закрыл рану другой рукою, выкрикивая высоким голосом:

– Чего тебе надо? Кто ты?

Кровь, ярко-алая, билась родником между пальцами, скапывалась вниз, прокладывая дорожку по белой, вышитой рубашке.

– Не убивай! – голос Олесья был пронзителен так, что хотелось заткнуть уши. – У меня мать-старушка и две маленьких сестры!

В голове моей взорвался красный шар:

– Мать у тебя? А у меня нет матери! И сестёр нет! Ты их убил!

Судорожно передёргивая затвор, я нажимал и нажимал на курок, пока вместо выстрелов не услышал сухие щелчки.

Олесь лежал, согнувшись, неестественно вывернув одну руку в мою сторону, как бы защищаясь от пуль. Щекой он прижимался к земле, которая напитывалась его кровью. Кровь сочилась и сочилась неизвестно откуда, наполняя воздух сладковатым тошнотворным запахом. Непонятная боль охватила огнём мой желудок. Я бросил винтовку и, перегнувшись через плетень, начал извергать эту боль, но лучше от этого не становилось... В один из моментов спасительная

темнота отгородила меня от всего.

Авдей, вернувшись, нашёл моё полумёртвое тело и сразу понял, что произошло. Закопав убитых, он сжёг пасеку и унёс меня на болота, где стояла скрытая заимка. Провалился в полубреду, никого не узнавая, порядком, около месяца. Придя в себя, долго не разговаривал, а только мычал. С левой стороны, на голове пробилась широкая белая прядка, навеки оставив отметку о прошедшем, ибо нельзя остаться прежним, забирая человеческую жизнь.

Столько лет прошло, а ведь помню всё до мелочей – и рисунок на рубашке Олеся, и лицо его, бледное в предсмертном ожидании, и запах... запах подступающей смерти. Убивать мне более не доводилось. Вместе с Авдеем помогали партизанам, пекли для них хлеб, силки на зверя и птицу ставили. После войны пасечник умер, и уехал я в Подмоскovie к старшей сестре. Женился, детки родились, вроде всё хорошо, а только не было радости истиной в душе моей. Навсегда, видно, осталась она там, у холмика могилы и во дворе сожженной пасеки.

Эпилог

Старик рассказывал всё это спокойно, не торопясь, с перекурами, внимательно выслушивал мои вопросы и обстоятельно отвечал. Вот конец нашего диалога:

– Дед Михай, а почему вы решили мне всё это рассказать?

Он раздумчиво жуёт усы:

– Ты слушаешь, мне легчает...

– Так любой бы вас выслушал!

– Не петушись шибко, ты не из любопытства... ты чувствуешь боль.

Я смутилась:

– Так уж и чую... А можно ещё вопрос?

Дед, ожидая, приподнял вихрастые брови:

– Ну?

– Деда вы ведь жизнь большую прожили, женились, дети у вас и внуки, что ж разве не было радости у вас?

Михей прокурено покашлял, затянулся папирсой и, наклонился ко мне:

– Радости были и есть, но сердце с той поры ржаветь начало, понимаешь? Иной раз такое счастье охватывает мою душу, а сердце – ёк! – и половина, а то и более на нет уходит.

Он смотрит на меня:

– Понимаешь?

Я, молча, раздумываю, потом честно отвечаю:

– Не совсем.

Дед кхекает:

– Молода ты! Но ничего, со временем поймёшь. Иди уж, полежать хочу.

Через неделю после этого разговора дед Михей скончался.

Мне так и не удалось прочитать Михею написанный рассказ, не успела, ржавчина войны изъела его измученное сердце.

Одноглазая и плоская *Памяти моего деда, Степуленко Петра Михайловича, посвящаю*

В 1941-ом Петру исполнилось 35 лет. Жена, четверо детей: три дочери и наследник-сын. На фронт его взяли осенью, когда фриц под Москвой готовился к победному параду.

Парад состоялся, только по Красной площади шли наши бойцы, и среди них Петр.

Попал он в Сибирскую дивизию, задачей которой было остановить врага любой ценой. Вместе с ним в батальон зачислили племянников, сыновья старшего брата, девятнадцати и двадцати лет. Служили они в разведроте и славились отменным балагурством, коего от отца своего переняли. Несколько раз Петр виделся с ними. Парни имели рост под два метра, белозубые улыбки, чёрные кудри – в общем, гроза для девочек. Младший, Иван, тот посмирнее, а со старшим, Антоном, никакого сладу не было. И порол его отец до 18 лет, а толку не добился. То, понимаешь, с молодой свяжется из соседнего села, то вдову пригреет, а иной раз и замужней голову задурит.

Уж как его мать умоляла: «Женись, сынку!», а тот обнимет её и задушевно так молвит:

«А что, если, мама, судьба моя живёт где-то далеко отсюда, и ждёт меня не дождётся... А я женюсь! Как же, мама, тогда получится? Погожу я чуток» – Так до войны и годил.

Уезжая на фронт, сказал: «Ждите, мама, вернусь с невестой!»

Пётр встретился с племянниками перед отправкой на передовую, возле теплушки. Навалились вдруг откуда-то сверху, обнимают:

– Дядька, соскучились по родне. Как вы тут?

– Помаленьку, – Петр раскурил самокрутку. – Вы как?

Младший открыл рот, но, получив тычок от брата, замолк.

– Нормально всё у нас, – молвил Антон, улыбаясь белозубо, – в медсанбате славная сестричка есть!

– Тебе всё бабы! – закашлялся Пётр. – Матери письмо написали хоть?

– Написали, дядя Петро, – вступил в разговор Иван.

– Слышь, дядь, – не унимался Антон, – нам здесь один учёный сказывал, что есть такая рыба – камбалА называется. Она плоская и у неё всего один глаз. Говорит, что жареная страсть как вкусна. Как думаешь врёт?

– Ясно дело, врёт! – Иван рубанул рукою. – Как тебе рыба с одним глазом будет жить? Ты такую хоть раз видал?

Дядька докурил самосад и выдохнул:

– Бог его знает, можа и есть.

Паровоз гуднул три раза. Антон шагнул вперёд и крепко обнял родича:

– Не поминайте лихом, ежели что. Родным кланяйтесь по-ясно и маманю обнимите.

Иван добавил:

– Хорошо хоть мама Настьку родила напослед, будет у кого внуков нянчить.

Пётр вскинулся:

– Вы что это? Прощаетесь, как перед смертью. Вы бросьте это!

Старший глянул незнакомо, по серьёзному:

– Да не серчайте, дядько. Чуем, что в последний раз видимся.

Не дав Петру более сказать и слова, они по очереди крепко обняли его и ушли.

Прямо с поезда да в бой. Отбросили немцев, но от дивизии осталось одно название. Смолотили жернова войны Сибирских богатырей. Петра ранили, и он, подлечившись в прифронтовом госпитале, возвращался назад, в свою часть. Поджидая машину, курил, прислонившись к стене.

– Предъявите документы! – Седой капитан сурово глядел на бойца.

– Слушаюсь!

– Из госпиталя?

– Так точно, товарищ капитан!

– Прошу вас, сержант, помочь. Тут такое дело, могилу надо закопать, а в госпитале ни одного на ногах.

– Сделаем, товарищ капитан. Куда идти?

– Тут недалеко

Могилка была неглубокой и наполовину заполненная водой. Рядом лежало два тела, обёрнутые в плащ-палатку.

– Что ж так-то, не по-людски?

– Нет времени, да и сил, сержант, тоже.

Капитан устало потёр лицо.

– Хоронить некогда, поминать некогда. Еле добился разрешения похоронить братьев рядом, не в общей могиле. Деревеньку-то разметали и погост тоже. Вот тут, в рощице решил.

– Командир ты им, что ли?

– Командир. Они жизнь мне спасли, а сами вот... Перед смертью младший бредил, всё просил ему пожарить одноглазой рыбы.

Петр застонал, и, упав на колени, открыл лица покойников. Иван и Антон.

– Знакомые? – наклонился капитан.

– Племянники, – еле слышно пробормотал он в ответ.

После войны завербовался Петр на Сахалин, в город Александровск. Ещё лет двадцать ходил рыбаком на катере в артели. Жена на Сахалин не хотела ехать, и вышел у них по этому поводу скандал, но Петр на своём умел настоять. Вскоре и дочка родилась младшенькая.

– Чего не ешь? Пётр? Чего молчишь? Камбала уже остыла вся.

Голос жены вывел его из прошлого.

– Да так, задумался. Вспомнилось кое-что.

Он взял в руки вилку и усмехнулся:

– Одноглазая и плоская.

Три шарика
Посвящается моему дедушке

Время летит очень быстро, бывшие девчонки уже стали бабушками, но кажется, только вчера мой дед гладил меня по голове... Я помню его тяжёлые, заскорузлые от работы, ладони.

Раннее утро, солнце ещё не показалось из-за сопок, я крепко сплю, но запахи с кухни заставляют меня вынырнуть из сладкого забвения.

– Проснулась, сапушка! – колючая щека деда соприкасается с моей.

Я чувствую его губы у меня на виске, и запах крепкого табака щекочет ноздри. Чихнув, окончательно просыпаюсь и руками крепко обвиваю дедушкину шею. Он подхватывает меня и несёт на кухню, где бабушка жарит блины на большой сковороде. Усевшись на табурет, дед таинственно поглядывает на меня:

– Ну? Сколько блинков съешь?

Я кручу головой:

– Один!

– Во как? А что ж так мало?

– Так они ж большие, деда! И молока стакан!

Дед смеётся:

– И сметанки сверху!

Мы едим блины, пока не приходят мама и отец.

– Вы что так рано встали? – удивляется мама.

– С внучкой гулять пойдём!

– Гулять? Ура! Деда, а куда?

– Так, куда скажешь, туда и пойдём.

– Тогда на болото! Мне не разрешают там ходить, но с тобой ведь можно, да?

После завтрака натягиваю сарафанчик, обуваю сапожки и бегу на улицу, на крыльцо, где курит дедушка. Мама тихонько что-то ему говорит, а он улыбается в ответ. За ворота мы выходим рядышком, взявшись за руки. Моя ладошка утонула в широкой ладони деда, ей там уютно и тепло. Идём, не торопясь, негромко переговариваясь.

– Много рыбы наловил, дедуль?

– Нормально!

– План выполнил?

Он смеётся:

– А как же! Перевыполнил! А у тебя как дела?

Я вздыхаю:

– Расту помаленьку, но слишком медленно...

Он гладит меня по косичкам:

– Не торопись, жизнь летит быстро.

– Летит? Она что, птица?

– Да как сказать? Иной раз и птица, а то и поездом едет и ракетой летит.

Я хлопаю ресницами и думаю, что дед шутит. Этих взрослых трудно понять, обычно дедуля говорит нормально со мной, но сегодня он странный, задумчивый. У самого болота дед садится на пригорок:

– Давай отдохнём.

– Я не устала, дедуля!

Он прижимает меня к себе:

– Я устал, солнышко моё...

Озабоченно гляжу в его глаза:

– Деда, ты заболел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.